

М.А. Верниченко

О ПОЛИТИКЕ КАК НАУКЕ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные аспекты политической науки, её инновационный потенциал, анализируются региональные особенности и закономерности её функционирования.

Ключевые слова: политология, субъекты политики, методы политологии, политические теории, национальные особенности политической науки.

Marat Vernichenko

POLITICS AS SCIENCE: BASIC NOTIONS AND REGULARITIES

Abstract. The article looks at modern aspects of political science, its innovation potential. It also studies regional specifics and regularities of its functioning.

Keywords: Political science, subjects of politics, methods of political science, political theories, national peculiarities of political science.

Изучение политики как науки и искусства убеждает в том, что политический процесс при всех присущих ему случайностях, многовариантности и альтернативности подчиняется внутренним закономерностям.

Хотя политика – предмет интуитивно понятный каждому, тем не менее, до сих пор ее определяют по-разному. Есть юридические трактовки политики, социальные, нормативные и др. в общей сложности несколько десятков, которые каждые по-своему высвечивают ее грани.

Неоднозначность понимания политики во многом связана с тем, что политика принадлежит к такой группе «вещей», которая не укладывается в какое-либо одно толкование или определение. Этому есть объяснение: политика не выражена вещно как, например, экономика, не состоит из вечных ценностей как религия или этика. Ее неопределенность в этом смысле открывает простор для различных интерпретаций.

Другая особенность состоит в том, что в русском языке термин «политика» полисемантичен, то есть может выражать разные сущности. Имеется в виду, что под политикой в отечественной политологии может пониматься: а) сфера общества, б) деятельность, направленная на власть, в) стратегия деятельности, г) управление общественными делами и др., в зависимости от того, какой контекст в конкретном случае вкладывается в это понятие. В то время как в английском языке имеется, по крайней мере, три термина, объясняющих слово «политика»: Politics, polity, policy. Эти термины в западной политологии используются для характеристики ее различных сторон и соответствуют понятиям политической деятельности, институциональным структурам и направлениям политики.

Термины в политологии, как и других науках, отражают те или иные понятия (категории), вырабатывают специфический язык дисциплины. В литературе можно встретить образное разъяснение взаимодействия терминов и понятий. Так по аналогии с действием компьютерных программ термины можно представить в качестве паролей, открывающих «файлы» в общественной памяти с заключенной в них информацией об общественных отношениях, а понятия – собственно «файлами».

Несмотря на множество различий в определениях политики, считается общепризнанным, что политика отображает реальное взаимодействие ее **субъектов**, которые складываются в соответствии с намерениями политических лидеров, программами партий и др., так и в результате самых разнообразных внутренних и внешних факторов.

В России, людей «делающих политику», можно разделить на три основных группы.

К первой относятся профессиональные политики, избираемые или назначаемые на должности в системе государственной власти.

Вторую образуют те, кто активно влияет на процесс принятия политических решений, финансируя партии и кандидатов, лоббируя свои интересы в органах власти. В современной России к данной категории принадлежат главным образом представители крупного бизнеса.

Эти две элитарные группы (профессиональные политики и крупный бизнес) тесно связаны между собой, часто переходят из одной категории в другую и обратно: политики

уходят в бизнес, а бизнесмены занимают должности в правительстве или государственных кампаний.

Третий сегмент акторов, который можно назвать вспомогательным в политическом классе составляют люди, задействованные в сфере политических услуг. Они включены в инфраструктуру политического рынка и обеспечивают воспроизводство власти, прежде всего во время выборов. Среди этих людей выделяются политконсультанты, журналисты, политтехнологи.

Политическая власть и ее сердцевина государственная власть выступает своего рода осью, вокруг которой формируется политика. Эти два понятия – политика и власть полностью не совпадают, однако неразрывно связаны между собой. Очевидна тесная сопричастность того или иного явления, процесса, факта, личности с политической, прежде всего государственной властью. Собственно это и дает основание включать их в сферу политики и при отсутствии такой связи соответственно выводить их за ее пределы.

Отметим и такой важный аспект, касающийся политики. Очевидно, что субъекты политики отличаются друг от друга по уровню влияния. В зависимости от характера отношений людей к власти политическая жизнь общества делится на два уровня: на тех, кому реально принадлежит власть в обществе и тех, кто является объектом воздействия и управления. Эти два уровня существенно отличаются друг от друга. Если на властном уровне разворачивается обеспеченная мощными ресурсами (материальными, финансовыми, силовыми) деятельность сравнительно небольшой группы людей «власть придержащих» и их окружения, то на другом уровне субъектами политической активности (одновременно и объектами) выступают массы людей, как правило, не имеющих отношения к политической деятельности, принадлежащих к различным социальным группам и их организациям. Естественно, в условиях обычного хода событий влияние «власть придержащих» неизмеримо выше.

Политика является сложным, вариативным элементом политической жизни. Естественно, что ее содержание и восприятие с течением времени может меняться и приобретать новые формы и смыслы.

Один из современных подходов к пониманию политики весьма традиционный. Он предполагает, что объект политической науки мало изменился со времен Платона и Аристотеля и что последняя по-прежнему остается по преимуществу наукой о государстве, его институтах и методах деятельности. Согласно этому подходу, политика – это сфера деятельности, прежде всего, государства.

Однако уже с началом Нового времени с развитием института частной собственности, ростом массовых движений, образованием политических партий и парламентов, меняется и роль общества, происходит расширение политической сферы, т.е. гражданское общество становится субъектом политики, отличающимся от государства. Концепция Общественного договора (Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо) положила начало рассмотрению политики как активности исходящей не только от государства, но и общества, его различных групп и организаций.

В 19 веке этот подход получил развитие во взглядах на политику как на столкновение классовых интересов, сферу классовой борьбы. Он был разработан в трудах Ф. Гизо, О. Тьерри, О. Минье. Классическое выражение классовый подход получил в трудах К. Маркса. В 20 веке последователи Маркса, прежде всего В.И. Ленин определяли политику как науку и искусство классовой борьбы, а государство – как организацию классового господства. Согласно В.И. Ленину в любом политическом событии и явлении следует усматривать классовый интерес. «Люди, писал он, – всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любым нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [4, с.47].

Распространенным в современной западной политологии является конкурирующий с марксистской традицией веберовский подход. М. Вебер расширил понимание социального аспекта политики. В данной статье не ставится задача сколько-нибудь подробно рассмотреть их различия, однако необходимо отметить, что в отличие от марксистского в веберовском подходе:

а) в качестве субъектов политики выступают не только общественные классы, но и другие субъекты гражданского общества (партии, профсоюзы, СМИ, группы давления и т.д.);

б) речь идет не о захвате власти, что во главу угла ставили марксисты и их последователи, а о влиянии на власть, об оказании давления на власть (т.е. не о свержении существующего политического, а вместе с ним и всего общественного строя, а о диалоге с существующей властью в рамках данного общественного устройства).

Что весьма важно, Вебер дал начало рыночному пониманию политики. Он считал, что классовая борьба тесно связана с рыночными отношениями. «Классовая ситуация, – отмечал он, – есть, по существу «рыночная ситуация» [9, с.258].

С точки зрения «рыночной ситуации» Вебер рассматривал деятельность не только классов, но и других социальных стратов, статусных групп, партий, государственных и общественных институтов. Как на рынке происходит обмен и распределение товаров, так и между различными общественными субъектами осуществляется обмен и распределение политической власти. Власть – это «товар», который служит предметом обмена, покупки и распределения на «рынке» под названием «политика».

Эта тема получила развитие в 20 веке. Нобелевский лауреат Бьюкенен усматривал сходство экономики и политики в процедуре рыночного обмена. «Политика, отмечал он, – есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике – соглашаются платить налоги в обмен на блага, необходимые всем и каждому: от местной пожарной охраны до суда» [2, с.173].

Развернутую концепцию рыночного понимания дал французский социолог П. Бурдьё. При исследовании политики он использует такие понятия как «поле», «капитал», «игра».

Поле – это социальное пространство, которое функционирует как рынок, где отдельные лица или группы соревнуются между собой за более высокое статусное положение. Те, кто занимает более высокие статусные позиции, обладают и большим социальным капиталом, а, следовательно, получают возможность господствовать над теми, чей социальный статус ниже, а капитал (экономический, культурный, политический и др.) уступает по своему объему.

Государство, в трактовке Бурдьё, является самым крупным владельцем социальных капиталов, к которым относятся: 1) капитал физического принуждения (армия, полиция и т.п.); 2) экономический капитал; 3) информационный капитал; 4) символический капитал (системы ценностей, юридические нормы, традиции, ритуалы, почести, верования). Сконцентрированные в руках государства данные капиталы образуют собственно государственный капитал, который позволяет государству властвовать над обменным курсом между всеми видами капиталов. Поэтому по сути дела борьба идет именно за власть над государством, точнее его ресурсами.

Политическое поле, по Бурдьё, представляет собой динамическое взаимодействие политических субъектов (парламентарии, члены политических партий, министры, государственные служащие), чьи действия продиктованы собственным статусным положением. При этом отношения статусных позиций диктуют собственные правила игры. Например, в условиях сильной бюрократизации общества статус высокопоставленного государственного служащего будет выше статуса депутата. Это означает, что объем политического капитала у госслужащего также будет выше, чем у парламентария. Поле политики, считает Бурдьё, все больше и больше предрасположено замыкаться на себе и на своих собственных интересах. В итоге сфера политики оказывается монополизированной небольшой группой людей – политических олигархов, которая монополизирует рычаги власти [1, с.110-116].

Позиция, сформированная П. Бурдьё, созвучна разрабатываемой в российской политологии темы о современной политике. Как полагает А. Панарин, от исследователя сегодня требуется изучение не «приводных ремней», идущих от общества к власти и обратно, а высвечивание механизма производства власти внутри самой власти. При этом власть он сравнивает с акционерным предприятием, участниками которого являются держатели властного капитала – возможностей оказывать давление и создавать напряженность. Эффективность такой власти определяется не способностью организовать процесс социальной модернизации или соответствовать определенным социальным ожиданиям, а умением политиков «красиво» вести игру и ориентироваться «не на вкусы и интересы публики (избирателей), а исключительно на критерии, принятые в среде класса политических профессионалов». С таким подходом в определенной степени можно согласиться, так как современные политики скорее напоминают некую закрытую политическую корпорацию, работающую по своим законам и преследующую свои интересы. Современная история знает

немало примеров, когда политический класс, замкнувшись на своих интересах, демонстрирует свое бессилие, более того, может сама стать источником конфликтов, социальной нестабильности, привести к разрушению общества.

Сфера теоретического, научного познания политики характеризуется различными традициями и подходами: политико-философским, идеологическим, научно-теоретическим, прикладным. Каждая из них требует специальных исследовательских навыков и знаний.

Философское познание связано с осмыслением мира политики на абстрактном уровне. Философия создает теоретический фундамент и методологию политического познания. На этом уровне формируется представление о механизмах власти, политическом идеале как цели, побуждающему к политическому действию, критически переосмысливается действительность.

Особенностью философской формы постижения реальности является амбивалентность (двойственность). По замечанию С.А. Хмелевской философское познание «сочетает реалистический и ценностный подходы, пользуется рациональными и образно-художественными средствами» [12, с.69]. Подобная амбивалентность делит философские концепции на рефлексивные, то есть научные, и ценностные.

То есть, философское познание мира политического тяготеет с одной стороны к научным и с другой к вненаучным формам, что дало повод к дискуссиям среди политологов: следует ли включать политическую философию, учитывая ее особенность (амбивалентность) в систему политического научного знания или же оставить за ней ее традиционное поле оценочных суждений и теорий.

Идеология в отличие от философии является системой знаний, которая призвана не только объяснять политическую реальность и давать ей критическую оценку, но и главное побуждать к конкретным действиям. Поэтому идеологические системы целенаправленно внедряются, а иногда навязываются в массовое сознание и непосредственно влияют на политический процесс. Идеологические теории, так же как и философские могут в некоторых случаях приближаться к научным обобщениям (основной идеологических систем выступают правовые, социологические, психологические, философские теории), однако в целом носят оценочный, а не научный характер. Как писал А.С. Панарин «все политические доктрины, под знаком которых выступают различные политические силы, являются своего рода учениями о спасении. В политической борьбе они ищут не истину – они ищут способы отстоять и защитить свои интересы. Опыт политической истории свидетельствует, что в политике действует принцип приоритета полезности над научной объективностью» [7, с.52].

Наука как форма изучения политического мира отличается как от философской, так и от идеологической системы. В научной литературе понимание науки, хотя и является дискуссионной темой, как правило, определяется как процесс познания и объяснения реального, а не воображаемого мира. В этом смысле наука представляет собой системно выстроенное рациональное знание о налицо данном, опирающееся на правила логического вывода. Она претендует не просто на описание реальности, но на определение существенных признаков изучаемых феноменов, выведение закономерностей и построение на их основе практических рекомендаций и прогнозов.

В научном познании политических процессов ведущую роль в системе общественнознания занимает политология. Политология, как следует из самого названия, наука о политике. Причем во Франции предпочитают эту науку называть «политическая социология», в Испании – «политология», в англосаксонских странах – «политическая наука». В России в вузовских учебных программах предпочтение отдают названию «политология».

Следует отметить, что само название «политология» приживается в современном западном обществоведении довольно медленно, так как это понятие, по признанию российских ученых, родилось в советской академической среде с целью разграничить «марксистскую» и «буржуазную» политические науки.

В политологии выделяют три направления, в зависимости от интерпретации политики:

- академическую или теоретическую политологию, которая ставит задачу развития политической теории и ее приложения к реальности;
- политическое консультирование и политические технологии как признанные области политических исследований;
- политическую аналитику, представленную исследованиями фундаментальных вопросов внутренней и внешней политики, а также политическое комментирование в текущем режиме, которое подается в СМИ, интернет-изданиях, периодической печати.

Собственно в рамках этих направлений формируется предметное поле политологии.

Надо отметить, что по этому вопросу существует множество различных точек зрения. Ни на Западе, ни в России нет единого понимания предмета политической науки. Более того, в западной политологии наметилась тенденция исключить из сферы теоретического рассмотрения классический вопрос о предмете политической науки. Так, некоторые французские авторы (М. Гравитц, Ж. Лека) считают, что показателем науки больше не является наличие строго очерченного предмета исследований, так как «жизненность политической науки» определяется ее практической значимостью.

Поэтому процесс специализации политических исследований продолжается. Например, американская политическая наука в настоящее время включает в себя около 30 областей специализации.

Ученые отмечают также тенденцию политической науки усваивать проблематику или теории, созданные для экономических, психологических или биологических и других исследований. Широкое развитие получила в настоящее время, политическая экономия в США, Англии, странах Скандинавии, где политологи широко используют экономические модели для изучения политической реальности. Современная западная политическая наука представлена теорией политических циклов Э. Даунса, теорией «общественного выбора» К. Эрроу, экономическим анализом политического поведения Г. Беккера (Нобелевского лауреата 1992 г.) и рядом других исследований.

Интегративный подход отражает тенденцию развития не только в изучении политической проблематики, но и в общественном знании в целом. Есть знаменитая фраза И. Валлерстайна о том, что если социология, политология, психология, философия и экономика не объединятся в одну науку, то через некоторое время они будут интересны только самим себе [3].

Политология в таком широком ее понимании объясняет не только отдельные аспекты политической действительности, но в синтезе – всю совокупность и развитие политических отношений и политической практики. Иной подход приводит к фрагментарному, дескриптивному анализу.

Академическая политология отличается многообразием теоретико-методологических подходов к объяснению политики и получению нового знания. Фундаментальные исследовательские подходы в политологии выступают в виде конкурирующих парадигм (Т. Кун).

К числу крупных мировоззренческих парадигм следует отнести сциентизм и как противостоящий ему нормативизм. Сциентизм – мировоззренческая позиция, которое считает науку образующим, центральным элементом общества, а научное знание высшей ценностью.

Сциентизм сформировался в рамках позитивизма. Сторонники этого направления полагают, что для познания общества можно применять методологический инструментарий (эмпирические и количественные методы), который применяется в естествознании. То есть исследователь должен беспристрастно фиксировать процессы, которые протекают в обществе придерживаться позиции ценностной нейтральности и дистанцироваться от абстрактного теоретизирования. Кроме того, с помощью науки можно не только адекватно познать мир, но и преобразовывать его в соответствии с потребностью человека и общества.

В нормативизме же преобладает ценностный подход в исследовательском процессе. То, что отрицалось в сциентизме, признавалось в нормативизме. Новизна этого подхода была связана с утверждением, что мир природы принципиально отличается от бытия человека, мира политического и соответственно необходимости использовать другие инструменты познания, отличающихся от естественнонаучных.

Сторонники данной концепции (О. Шпенглер, В. Дильтей) утверждали, что естественные и социальные науки имеют разные цели и принципы познания: если в естественных науках возможно рациональное познание, где фиксируются устойчивые, повторяющиеся связи и свойства, то в сфере социальных явлений не может быть таких устойчивых причинных связей и явлений, учитывая специфику общественного и духовного развития человека.

Проблема познаваемости социальной жизни ее детерминант рассматривается в рамках таких известных в политологии парадигм как натурализм и социологизм. Очевидно, что такое противопоставление связано с бинарностью человеческой природы: с одной стороны, люди биологические существа, с другой – социальные. Поэтому всегда был и есть вопрос: из какой

реальности – природной или социальной следует исходить при объяснении социальных, в том числе политических явлений.

В рамках натуралистической парадигмы сложились такие научные школы как физикализм, биологизм, психологизм и др.

Такого подхода, по сути, придерживаются представители социал-дарвинистской школы (Г. Ратценхофер, Л. Гумплович, У. Самнер).

Сторонники расово-антропологической школы (Ж. Гобино, Х. Чемберлен, О. Аммон, Ж. Лапуж) главным фактором, определяющим общественный и политический строй, считают устойчивые передающиеся по наследству соматические и психические признаки. Для обозначения такого набора признаков использовалось понятие «раса». На его основе социальное и политическое поведение объяснялось биологической наследственностью, а социальное неравенство, в свою очередь, выводилось из биологического неравенства, неравноценности рас.

Данная аргументация служила идейным фундаментом конкретного политического курса, ориентированного на обеспечение превосходства одних групп людей и стран над другими.

Итак, общим из рассмотренных школ было признание однозначной природной детерминированности социального бытия. Соответственно, предметная область познания общества включалась в сферу компетенции таких наук, как механика, физика, география, биология, психология и т.д.

Натуралистическим направлениям противостоит социологизм, который утверждает, что социальная реальность автономна, несводима ни к физической, ни к биологической сфере. Автономность социума обусловлена спецификой социальных феноменов, которые в своем проявлении могут не соответствовать законам природного мира. Общество рассматривается как специфическое образование, поэтому для познания сущности социальной и политической реальности необходимы специфические методы.

К разновидностям социальной парадигмы относится и культурологический подход. Сторонники данного подхода рассматривают содержание политических процессов под ценностно-нормативным углом зрения. В результате политика предстает как продукт осознанных мотиваций поведения человека.

Натурализм и социологизм, их в известном смысле противостояние, повлияли на формирование политических исследований, их тематическое и предметное поле. В рамках натуралистических школ сформировались такие влиятельные направления политологии как системный или структурный функционализм, бихевиорализм и др., получил развитие методологический инструментарий в виде статистических методов и приемов количественного анализа.

Соответственно можно сказать, что структурно-функциональные группы теоретических методов ориентировались на познание и аналитическое конструирование объективной политической реальности, а группа бихевиористских методологий и их производных на выявление закономерностей политического поведения.

Структурно-функциональный метод широко используется, например, при анализе политических институтов, когда каждый из них рассматривается как некая самостоятельная целостность. Поведение конкретных людей в рамках структурализма обычно не принимается во внимание, так как считается, что индивид действует, прежде всего, подчиняясь требованиям той или иной структуры.

Несмотря на критику, идеи структурно-функционального анализа нашли применение в политической науке. Это проявляется, в частности, в понимании политической сферы как системно организованного целого, в описании политических конфликтов как дисфункции в работе этой системы, в стремлении к политическому прогнозированию на основе выявления структурных и функциональных характеристик различных режимов и т.д. С понятием структурализация тесно связана категория системности. В первые понятия «система» в политологии использовал американский политолог Д. Истон. Системный подход отразил понимание политической сферы как системно организованного целого в ее взаимосвязи с другими общественными системами и с внешней средой.

Французский философ Г. Маркузе по поводу системы, как метода функционирования современного общества отметил одну ее особенность, а именно что последняя фактически

исключает всякую антисистемную оппозицию и порождает одномерного человека – «механическую куклу механической цивилизации» [5, с.14].

Бихевиоралистская группа теоретических методов, напротив, исходит из того, что наука должна описывать явления непосредственно наблюдаемые.

Ученые бихевиоралисты в первую очередь исследовали неформальные структуры власти: пропагандистские центры, мафиозные группировки, группы давления на правительство и т.д. Предметная область бихевиорализма – анализ эмпирических достоверных фактов политического поведения групп и индивидов. Данный принцип утверждает, что научный смысл имеют только положения, которые эмпирически верифицируются (подтверждаются). В то время как абстрактные теории, понятия о сущности политики, власти и т.д. – не имеют научной ценности и выходят за пределы научного исследования.

Бихевиоризм, однако, критиковался американскими и европейскими учеными за его метод, поскольку не всякая политическая реальность может быть измерена, как не может быть и нейтральной политической науки.

Современный период еще более усложнил сочетания и комбинации использования различных методов анализа политики, вводя новые единицы их измерения, способы обобщения сведений. Например, структурализм (институционализм) и бихевиорализм привели к появлению на основе их сочетания к «новому институционализму», теории рационального общественного выбора, как объяснению присущего человеку рационального поведения. Последняя сегодня является одной из наиболее распространенных в западной политологии.

Этот принцип получил название «максимизации выгоды». Основываясь на нем, американский политолог Э. Даунс предложил формулу рационального политического участия:

$$R = PV - C - D,$$

где R – чистая прибыль от участия в выборах;

P – вероятность того, что голос именно данного избирателя будет решающим;

V – политическая выгода от участия в выборах;

C – возможные затраты;

D – непосредственная выгода от участия в голосовании.

Правда, критиками теории рационального выбора было замечено, что преследуя цели сиюминутной выгоды, индивиды могут не считаться с возможными нежелательными, но отдаленными по времени результатами, проявляя таким образом свою «близорукость».

Теоретическое знание развивается. В видоизмененном виде продолжают действовать основные подходы к исследованию политических явлений, сложившиеся в разное время. В частности, в русле обновления продолжилось развитие системного функционализма и бихевиорализма. Это же можно отнести и к теории рационального выбора. В постмодернистских теориях сегодня, как правило, абсолютизируются не обще-социальные стандарты, а групповые ценности и приоритеты, которые становятся точкой отсчета для рассмотрения и оценки всей политики. В современной социальной науке утверждается принцип методологического плюрализма. Закономерен вопрос: можно ли с помощью политической науки установить истину или использовать исторический опыт для объяснения современных политических процессов.

Проблема истины в научном познании является предметом дискуссий. Так, А. Назаретян считает, что категория истины принадлежит исключительно мифологическому сознанию, а «упор» на «объективной» истине открывает простор субъективистскому беспределу [6].

Поэтому продуктивной может быть мысль К. Поппера о том, что разные теории можно рассматривать как различные интерпретации доступных фактов. Любая политологическая теория оказывается противоречащей другим теоретическим реконструкциям и не может претендовать на статус научной истины подобно математизированным естественно-научным теориям. Однако вся совокупность таких реконструкций, воссоздавая все более многообразную картину «мира политики», может претендовать на статус истины в политической науке.

В отличие от подходов, свойственных теоретической политологии, которые связаны с выявлением общих тенденций и закономерностей политики, **прикладная политология** направлена на решение практических вопросов и имеет свою специфику.

Причем представители «прикладного» направления считают, что они и есть «истинные» политологи, а «теоретики» не являются таковыми.

Можно выделить следующие критерии разграничения теоретической и прикладной политологии (таблица) [10, с.14].

Таблица

Критерии разграничения теоретической и прикладной политологии

Критерии сравнения	Теоретическая политология	Прикладная политология
Цель	Раскрытие закономерностей, причинно-следственных связей функционирования политического мира	Решение актуальных проблем, стоящих перед участниками политического процесса
Объект	Политические процессы, не лимитированные с точки зрения пространственно-временных характеристик	Проблемные ситуации из текущей политической практики с жестко заданными пространственно-временными параметрами
Участие в политическом процессе	В большей степени созерцательное	В большей степени преобразовательное
Субъект	Ученые, объединенные в специальные научные корпорации (университеты и институты)	Аналитики, работающие в специализированных центрах или госструктурах
Косвенный субъект (заказчик)	Социум	Политические структуры

Из таблицы видно, что теоретическая политология ориентирована, прежде всего, на прирост «чистых» знаний. В прикладной же политологии главным является ориентация на практическую пользу. В ней не используются теоретические выводы и положения, такие как, например, сущность власти, демократии, политического режима и т.д.

В прикладных исследованиях используются известные социологические методы, а также методы других наук, например, математические, статистические, компьютерное моделирование и др.

Политический анализ тесно связан с политическими технологиями, роль которых в политической практике неуклонно возрастает.

В настоящее время можно говорить о следующих основных видах управленческих технологий:

1. имиджмейкинг или создание образа, имиджа государственного, политического деятеля, привлекательного для широких масс;
2. корпоративный политический имиджмейкинг или формирование в массовом сознании узнаваемого положительного образа государственного учреждения, политической организации, партии;
3. электоральные технологии как системная организация предвыборной кампании;
4. политический брендинг (бренд – торговая марка) или внесение в массовое сознание узнаваемых символов, значений, образов, способных в соответствии с целями субъекта политико-технологического управления сплачивать, объединять людей или, напротив, разъединять их на соперничающие группы;
5. технологии политических союзов как деятельность, ориентированная на вовлечение в решение поставленных задач своих политических союзников и оппонентов;
6. технологии регулирования и разрешения политических конфликтов, предполагающие поиск путей и средств снижения политического противостояния и политической напряженности в обществе;

7. технологии лоббизм, представляющие собой деятельность, направленную на оказание воздействия на государственных должностных лиц, принимающих управленческие решения.

Содержание технологического знания формируется на основе позиции того, кто отражает событие (технолог, аналитик); кто задает конкретные цели решения проблемы (заказчик), а также того, кто действует на стадии решения задачи (исполнитель). Следовательно, каждый из них способен изменить содержание и форму технологической информации.

Специфическим направлением прикладной политологии является политическая аналитика, которая исследует глобальные политические проблемы.

Ключевую роль в данном анализе играют «мозговые центры» (think tanks) – политологические институты, которые анализируют ситуации и представляют свои рекомендации властным структурам. Идейная и теоретическая продукция мозговых центров – прикладная политическая экспертиза, аналитические статьи, фундаментальные теоретические работы. Их отличие от собственно академических исследований состоит в том, что они, как правило, носят заказной характер или в том, что такая продукция основана на определенных представлениях о желаемых социально-экономических и политических результатах.

В США действуют приблизительно 2 тысячи таких аналитических центров. По мнению экспертов, подобные советы можно считать своего рода биржами идейно-аналитической продукции – они обеспечивают взаимодействие «заказчика», «производителя» идей и потребителя (политического истеблишмента).

Воздействие аналитических центров на политику заключается в выработке «нового мышления». Оригинальные идеи могут изменять представления элитных групп о национальных интересах государства влиять на расстановку приоритетов, подсказывать руководству планы действий.

Прикладная политология и теоретическая дополняют друг друга, обогащая выводами, практическими и теоретическими разработками.

Теоретические представления и методы изучения политики во многом определяются условиями, в которых они складываются. Поэтому здесь важно учитывать такое обстоятельство как пространственный, географический или национальный фактор. Давно замечено, что в разных географических пространствах исторические процессы происходят с разной скоростью и различаются по содержанию. Если различное течение истории в случае с Восточными и Западными цивилизациями очевидно, то так же заметно, хотя и в меньшей степени влияние пространственного фактора на социальное развитие и внутри самой западной цивилизации.

Западная цивилизация в этом смысле делится на различимые «зоны». Поэтому попытки применять к анализу политической жизни, например, США европейские понятия и критерии или же последние к российской действительности были практически несостоятельными, так как недостаточно учитывали специфику данного общества, его социальной и политической истории.

Становление и развитие основных исследовательских парадигм идущих от нового времени и повлиявших на критерии современной науки, связаны с англосаксонским ареалом (Ф. Бекон, И. Ньютон, И. Гоббс, Дж. Локк и т.д.), где формировался преимущественно эмпирический подход. В то время как во Франции, (например, Р. Декарт, П. Кольбер, П. Гассенди и др.) были по преимуществу сторонники гносеологических методов.

В свою очередь установленным фактом является влияние английских и французских мировоззренческих парадигм на США, например, влияние английского парламентаризма, политических теорий, Локка, Монтескье, Руссо на американскую политическую мысль и конституционную практику.

При этом нужно иметь ввиду, что схожий методологический и терминологический «материал» имеет иное значение в европейском историко-философском контексте, нежели американском. То есть пространственный, культурно-географический фактор или в определенном смысле геополитический фактор необходимо принимать во внимание в изучении социально-политических проблем.

О вкладе американской политологии можно судить по тому, что разработки всех основных теорий и методов исследований, которые сейчас достаточно широко представлены в других национальных школах, берут свое начало в 20-50-х годах в университетах США.

В то же время есть и идеологическая составляющая американской политологии. Особенно отчетливо она просматривается в интерпретациях внешнеполитической деятельности США. Видимо, в данном случае не могли не сказаться географическая удаленность от «Старого Света», политическая, экономическая, технологическая независимость США. Они сформировали чувство исключительности, породили морально-идеологическое мессианство. Поэтому в национальном сознании многих американцев прочно закрепилось представление, что они являются носителями уникальной системы ценностей и идеалов, которые должен заимствовать остальной мир. Примечательно, что еще век назад Д. Барджест, основатель американской политологии, основал идею вмешательства одних стран в дела других. Такое вмешательство, по его мнению, оправдано по отношению к тем странам, «которые показывают неспособность разрешить определенные проблемы политической цивилизации более или менее компетентно» [11, с.16].

Таким образом, идея вмешательства в дела других стран в американской политологии имеет давнюю традицию, которая трансформируется в политическую практику.

Изучение западной политологии полезно, поскольку исторически сложилось так, что все основные общественные и политические проблемы (суверенитет народа, естественные права, разделение властей и т.д.) ставились и разрабатывались преимущественно в западной политической философии.

Во-вторых, западная политология позволяет лучше понять в целом западную цивилизацию, ее политическую культуру, этот особый, по выражению А. Зиновьева, социально-биологический организм, который не следует копировать, поскольку это все равно не получится, но который надо изучать и стремиться понимать. Без этого процесс установления диалога между цивилизациями невозможен.

Политическая мысль России ее общественное сознание заметно отличались от западной общественно-политической традиции. Это своеобразие можно объяснить несколькими обстоятельствами.

Во-первых, географическим положением России, которая занимала промежуточное положение между Европой и Азией, Западом и Востоком.

Дуализм этих двух миров, культур обусловил «конфликтный» тип российской цивилизации и общественной жизни.

Во-вторых, в сравнении со странами Европы, Россия находилась на иной стадии социально-экономического и политического развития. Здесь капитализм сочетался с крепостническими методами ведения хозяйства, в политическом плане сохранялась абсолютно-монархическая форма правления, что приводило к социальным противоречиям.

На процесс формирования политического знания в России влияло то обстоятельство, что в русской культуре не было заметного, как на западе, размежевания политической и религиозно-этической традиции. Русская мысль долгое время была синкретична. Это, прежде всего, связано с тем, что на Руси, образно говоря, было «мало» политики, по крайней мере, в том смысле, в котором ее было принято понимать на Западе. Действительно, российская монархия по своей глубинной идее являла собой внеполитичный государственный институт («несть власти еще не от бога»). Такова идея была любой монархии, за исключением, может быть Великобритании, в России же она без значимых изменений сохранилась до начала XX века, точнее до образования Государственной Думы. Этим обстоятельством также можно объяснить и то, что в России позже, чем в западных странах появляются учения собственно политического характера.

То есть в России большую часть времени своего существования (вплоть до 19 века) политические идеи развивались не в рационалистическом ключе, а главным образом религиозном, или мифологическом были тесно связаны с историей, религиозно-философскими размышлениями, не выделялись из контекста социальной мысли. В этой связи, точнее обозначать русскую политическую мысль, особенно первых девяти веков ее существования, как социально-политическую.

Расцвет русской политической мысли приходится на 19, начало 20 веков, когда проявилось большое разнообразие ее основных течений. Оформился русский либерализм, получил развитие консерватизм, революционный радикализм, религиозно-нравственная традиция, основные течения русского послеоктябрьского зарубежья.

По сути дела, эти фундаментальные направления, видоизменившись воспроизвелись в современных условиях и составляют основные идеологические направления российской политологии.

В России политика долгое время не представляла отдельного направления или отрасли общественного развития, как например, на Западе. Поэтому формирование политологии в России шло иначе по сравнению с западными странами.

Право на официальное существование в России политология получила лишь в конце 80-х годов, когда процессы радикальной либерализации общества сделали эту науку востребованной. Политология была признана академической дисциплиной, после чего стали создаваться политологические институты и центры политических исследований.

Вместе с тем в российской политологии появилось немало дискуссионных методологических и теоретических вопросов. Так, в отечественной политологии в постсоветский период дискутируются вопросы о возможности использования западного опыта или даже его переноса на российскую почву. Подход к этой проблеме собственно и разделил российских политологов и отчасти их западных коллег на две основные группы. «Западнический» подход исходит из безнадежного отставания российской политологии от современных зарубежных (прежде всего европейских и американских) разработок в силу традиционной неразвитости этой науки в России. Его сторонники полагают, что для российской политологии необходимо как можно скорее преодолеть это отставание, перенося западный опыт анализа, методологию исследований и конкретные теоретические модели для их применения к российской политической жизни.

Другой подход, «почвеннический» – исходит из принципиальной неприемлемости западных концепций и схем к российской действительности. Эта тенденция проявляется не только в игнорировании западного опыта развития политической науки, но и, как считает Е. Шестопал, в отказе от эмпирического исследования текущего политического процесса, в замене его философско-историческими схемами, оперирующими многовековыми цивилизационными циклами [8, с.12]. Аргументация данной позиции сводится к тому, что сформировавшаяся на западе политическая теория фактически описывает мир политики в том виде, в котором он сложился в Европе, а затем в США после модернизационных сдвигов. Эта модель – утверждает А.С. Панарин – по настоящему применима только к Западу, причём к новейшему демократическому Западу [7, с.3-17].

Поэтому, актуальным является вопрос: насколько адекватно такая наука может описывать политические процессы в тех странах, которые имеют иные нежели западные страны цивилизационные основы, экономика и демократия которых в результате реформ получились квазизападными по признанию, в том числе и самих западных экспертов. Этот вопрос остаётся открытым.

Библиографический список

1. Бурдые П. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М., 2001.
2. Бьюкенен Д. Границы свободы. Нобелевские лауреаты по экономике. – М., 1997.
3. Валерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., 2003.
4. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.23.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994.
6. Назаретян А. Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. – 1995. – №4.
7. Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и Западе. – М. 1999.
8. Политическая наука: новые направления / под ред. Гудина Р., Клингемана Х.-Д. – М.: Вече, 1999.
9. Политология. Хрестоматия / под ред. М.А. Василюка. – М.: 1999.
10. Симонов К.В. Политический анализ. – М.: Логос, 2002.
11. США: политическая мысль и история / под ред. Н.Н. Яковлева. – М., 1976.
12. Хмельевская С.А. Система формы постижения бытия. – М., 1997.